

Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть...

Мф. 24:6

После чудачеств с электропроводкой сына Василия (как раз он только-только начал изучать школьную физику) в кабинете товарища Сталина погас свет. Иосиф Виссарионович зажёл свечу, предусмотрительно припасённую «на всякий пожарный», и на какой-то момент задумался.

— А ведь свет налаживать надо,— начал он разговор с самим с собой, поскольку в последнее время полюбил доверительное общение.— Кто же им займётся, как не товарищ Клёнов?

Товарищ Сталин превосходно, как «Отче наш», знал всю подноготную каждого комбрига, а уж командармов второго ранга и подавно. Матрос Степан Клёнов, который постоянно отлынивал от военной службы у царя-батюшки, перед Первой мировой всё же получил унтера и сделался электриком. Это случилось на кораблях тогда ещё не распропагандированного Балтийского флота.

— Где у нас Клёнов, товарищ Поскрёбышев? — нащупав телефон, спросил товарищ Сталин.

— Даёт показания,— ответил секретарь.

— И что пишет?

— Утверждает, что ни при каких обстоятельствах не может являться американским шпионом, так как не знает американского языка...

— Гнилая у товарища Клёнова логика, да и с эрудицией дело швах, — резюмировал товарищ Сталин. — Но с электричеством-то он ещё не разучился обращаться? Пусть вспомнит матросскую молодость! Я хочу дать ему последнее испытание. Мне электрик нужен, а шпионов у меня и так хватает...

В тот расстрельный 1938 год Ангел смерти, который на одной шестой части суши явно злоупотреблял служебным положением, получил строгий выговор с занесением в учётную карточку и несколько отошёл от дел. Тогда-то судьбой матроса занялся товарищ Сталин, и Степан Демьянович Клёнов из корабельного электрика спустя годы был произведён в электрики кремлёвские. Правда, к своим прямым обязанностям относился шаляй-валяй, частенько пьянствовал и неоднократно вступал в амурные связи с комсомолочками из обсуживающего персонала, хотя их тщательно фильтровал сам товарищ Власик.

Свет в кабинете товарища Сталина больше не гас, но это была скорее заслуга сына Василия, у которого вскоре появились крылатые увлечения, а с приземлённым хобби пришлось завязать.

Вскрывшаяся аморалка дорого обошлась любвеобильному матросу. На заседании местной ячейки ВКП(б) учли пожелание товарища Сталина и с провинившимся товарищем Клёновым решили поступить гуманно, отправив на перевоспитание не куда-нибудь в зарешеченную сибирскую глухомань — в счастливое будущее. После протокольной части партгруппорг Арон Львовский, большой человеколюб, помотавшийся по тюрьмам и по ссылкам, попросил Клёнова задержаться.

— А не пригубить ли нам на дорожку? На посошок, как в народе говорят, — подмигнул он. — Когда ещё придётся свидетельствовать? Завидую я вам, посланник вы наш, вон в какие дали несусветные отбываете! — и товарищ Львовский показал туда, на самую верхотуру, что на жестах старых конспираторов означало подпольный центр, а теперь, видать, разумелось нечто иное, чего бывалый партиец с тайным троцкистским уклоном и сам толком не знал. Предположить что-либо сверхъестественное, то есть по сути своей сугубо поповское, с религиозным душком, так сказать, не позволяла годами наработанная большевистская натаска.

Армянский «ОС» сразу же забулькал, заиграл огоньком в хрустале, донося аромат раздавленных клопов, и Степану Демьяновичу вдруг страшно захотелось, чтобы именно так и пахло в том самом будущем, куда предстоял ему полный неизвестности полёт. Где клопы, там и коньяк, ну и женщины, естественно! Хоть

и критиковал товарищ Сталин за логику товарища Клёнова, но в данном вопросе бывшему матросу нельзя было в ней отказать.

«ОС» сумасшедшей выдержки тепло помчался по телу и уже подбирался к выбритой под яйцо голове товарища Клёнова, так что Степан Демьянович, теоретик и практик женского вопроса, был готов в любую минуту переключиться на матросские байки. Но Арон Давидович, точно предчувствуя развитие событий, стал партийца поторапливать:

— Могут быть неприятности, не выдавайте старого приятеля, Степан Демьянович. В машине времени всё в наличии, в том числе и этот благородный напиток. Надобно поспешить.

Специальные товарищи подвели захмелевшего посланника к машине времени (она всегда находилась в кремлёвском Храме знаний под парами) и послали разом, как одноступенчатую ракету-носитель, далеко-далёко, в космические миры, к строителям коммунизма. Пусть набирается у просветлённых потомков ума-разума, а если всё удачно сложится и перевоспитание пройдёт как надо, смело возвращается восвояси. Вот тогда и можно будет говорить о политической реабилитации, восстановлении в должности, званиях, а заодно и звёздной славе нового героя.

В том светлом завтра, куда прибыл посланник из прошлого, лихо заправлял всем товарищ Хрущёв, которому накануне уже доложили, что на СССР движется какой-то неопознанный летающий объект и медленно сбавляет ход, точно готовится к мягкой посадке.

— Сбить первой же ракетой! Пусть дядя Сэм мотает соплю на кулак. Показательно, как заклятого Пауэрса, летунов этих будем судить! До трибуны Генеральной Ассамблеи ООН дело дойдёт! — входил в раж товарищ Хрущёв, требовал срочного созыва чрезвычайного Пленума ЦК и ещё сказал пару сильно крутых, но достаточно избитых и не самых, конечно, афористичных фраз.

В такие минуты Первый секретарь ЦК обычно опускал глаза вниз, до самого долу. Кто не знал истории вопроса, ошибочно полагал, что у товарища Хрущёва просыпается совесть и крепкого словца, сказанного под горячую руку, он начинает стыдиться. А в этот момент его взгляд элементарно искал лакированный башмак, последний писк американской моды: в расшнурованном виде в руках Первого секретаря ЦК забугорная обувь быстро приходила в целенаправленное движение. Сильно говорила в Никите Сергеевиче устойчивая неприязнь к промышленно-товарным успехам гнивающего Запада!

Народная вера в доброго и мудрого вождя старательно вылепила образ этакого страдальца: мол, в Америке на товарища Хрущёва фермеры, подстрекаемые гангстерами, навели порчу, чтобы инициативный мачо как мощная конкурирующая фирма «Made in USSR» даже и не помышлял массово разводить у себя продуктивную «царицу полей». Видные академики ВАСХНИЛ после консилиума усматривали здесь последствия генных мутаций: ведь как ни предупреждали ребята товарища Семичастного, главного чекиста страны, не удержался-таки, отведал попкорна Никита Сергеевич.

И какого человека не уберегла охрана! С той самой дегустации кукурузы в штате Айова товарищ Хрущёв частенько слетал с катушек...

Пленум ЦК собрался уже на следующий день, 16 октября 1962 года. Но не ищите эту дату в исторических энциклопедиях русской жизни — все события происходили в ином, параллельном мире, а летописцы при всём желании такую информацию не зафиксируют. Да и как можно с нашим-то кругозором углядеть то, что случалось и до сих пор случается ТАМ? Разве уложится в голове, к примеру, тот невероятный факт, что сталинский командарм второго ранга товарищ Клёнов, расстрелянный значкистами НКВД на подмосковном полигоне «Коммунарка» в тридцать восьмом, живой и невредимый, только чуть-чуть под «ОСой», вдруг возник из небытия, свалившись прямо с неба к строителям самой передовой общественной формации?

Правда, погибнуть он мог второй раз тогда же, приснопамятной осенью 1962-го, когда товарищ Хрущёв приказал ликвидировать его транспорт «первой же ракетой». Но не получилось с обезвреживанием наглого нарушителя у боевых расчётов ПВО, а лётчики-истребители, поднятые в воздух, едва успели катапультироваться, повинуясь действию на сознание какого-то мощного супероружия.

Товарищу Хрущёву ничего другого не оставалось, как принять с распростёртыми объятиями вчерашнего врага народа, им же, кстати, и реабилитированного. Что поделаешь? В том параллельном мире генно-модифицированный Никита Сергеевич, продукт системы, быстро перестраивался и прощал многих агентов иностранных разведок. На командарма второго ранга товарища Клёнова партийный вождь возлагал особые надежды, определив на полное обеспечение в подмосковный пансионат имени лейтенанта Шмидта.

Революционному матросу название этого учреждения не очень-то нравилось — со времён царской службы не терпел товарищ Клёнов офицеров флота. Впрочем, Степан Демьянович быстро понял, что в монастырь товарища Хрущёва со своим уставом не ходят. С моральным кодексом строителя коммунизма и рассказами о героическом прошлом — можно.

Мутирующий вождь знал, что советская молодёжь хорошо реагирует на них, и лелеял мечту, что живая легенда, выступая перед «цветами жизни», будет попутно популяризировать лучшие в земледелии севообороты и, разумеется, кукурузу. Но товарищу Клёнову оказалась глубоко чужда генеральная линия партии в массовом продвижении любимого злачного растения Первого секретаря ЦК, и на пленэрах в пансионате он нет-нет да и критиковал фундаментальные идеи товарища Хрущёва. А чтоб всё было честно, по-партийному, просил дать ему слово в прениях на ближайшем Пленуме ЦК.

Казалось, светлое будущее чудесным образом выправляло наметившуюся кривизну личности товарища Клёнова. К нему потянулись ходоки, а домик Шмидта становился местом нелегальных встреч. И кто только не шёл сюда с челобитными! Даже вечерашние майоры действительной военной службы, которых «дорогой Никита Сергеевич» заставил землю пахать, а они от тяжких колхозных трудов на полях и фермах угасали прямо на глазах...

Как-то вечером, когда товарищ Клёнов присел на лавочке покурить и вспомнить о былом, ветераны, надсажаясь на песочных дорожках липовых аллей, подкатили на руках бесхозную 152-миллиметровую гаубицу: полюбуйте, Степан Демьянович, что с нашей доблестной артиллерией сделали, никому она теперь не нужна. А если представится такая возможность, доложите обо всём товарищу Сталину. Пусть он примет по Никите своё решение!

Нашёлся подвыпивший отставник, который прихватил с собой холостой фугас, умоляя товарища Клёнова сделать прощальный залп. В ночной тишине гаубица жахнула, да так, что во флигельке пансионата повывлетали стёкла. Артиллериста, которому «Сталин дал приказ», революционный матрос больше в домике Шмидта не видел, что и настораживало...

Со дня на день ждал товарищ Клёнов, что придут за ним хлопцы товарища Семичастного, доставят под белые рученьки на ту же «Коммунарку», куда в своё время уже выводила его линия жизни...

Однажды ночью экс-нарком тайно пробрался в кремлёвский гараж, где в ожидании новых путешествий всё так же пыхла машина времени. Товарищ Сталин предвидел, что балтийскому матросу у «далёких потомков» определённо не понравится, и ещё перед дорогой передал с оперативниками ключ зажигания.

Он был в единственном экземпляре. Лежащий в потайном кармане френча металл особого сплава напоминал Степану Демьяновичу о себе ничуть не меньше, чем революционный парабеллум, когда-то угрожающе болтавшийся в деревянной кобуре на боку. Эх, если бы ещё и подобающий инструктаж, как следует себя вести с этим чудодейственным средством передвижения по нескончаемым лабиринтам времени!

Уже в полёте над ночным Ленинградом Клёнов отключил автопилот, грациозно описав своим «блюдем» прощальный круг рядом с грот-мачтой крейсера «Аврора». А потом решил похулиганить. С криком: «На штурм Зимнего, ур-ра-а!» — он врубил мощные прожекторы, и тотчас же перекрёстные лучи высветили корабль революции, а потом двинулись прощупывать бывший царский дворец. Большие оконные проёмы зажглись таким же светом, как в 1917-м. Перепуганные старушки-блокадницы, сторожившие залы Эрмитажа, включили сирену, и теперь на площади не хватало только ружейной и пулемётной трескотни, спонтанных передвижений бегущих юнкеров и суетливых действий испуганных ударниц. А с противоположной стороны — наступающей с неуёмным рёвом вооружённой толпы, которой всегда обещают манну небесную, а её почему-то потом на всех не оказывается. Всё склёвывают, как всегда, самые наглые птицы!

Машина времени товарища Клёнова искусно маневрировала среди набухших снегом балтийских туч, раздвигала их по сторонам, как будто тренировалась управлять непогодой, и величественно выплывала на Дворцовую площадь, когда прямо по курсу возникло препятствие непреодолимой силы — Александровский столп. Приближение к высоченной гранитной колонне странным образом создавало навигационные помехи, точно Ангел, крестом растоптавший змея, даже близко к себе матроса не подпускал. И тогда машина самой пришлось корректировать дальнейшее движение.

В окне одной из музейных подсобок мелькнула чья-то суетливая фигура. Клёнов зажмурился: с высоты ему показалось, что тень прошлого спешно облачается в древнегреческий хитон, чтобы стать перманентным привидением и гулять по ночным коридорам долго, из века в век...

Кто это был? Сам господин Керенский или товарищ Хрущёв, которого вскоре после разгромного Пленума ЦК с понижением перевели в Ленинград, а он решил бежать на самолёте к товарищу Фиделю за моральной поддержкой,— этого, к сожалению, даже в сводках товарища Семичастного не запроколировали? Не значится в тех документах и техническая оплошность, которую допустил заигравшийся в революцию матрос: он случайно схватил не те рычаги и через какое-то мгновение перепорхнул в совершенно другую эпоху.

...На вертолётной площадке Кремля необычного гостя из прошлого принимал господин в клетчатых штанах. Товарищ Клёнов напрягал память: где он мог видеть такой же маскарад? И вспомнил! Броненосец, на котором будущий техник-ремонтник Кремля упражнялся в электричестве, перед германской войной кружил вокруг Европы, заходил и в портовые города «владычицы морей». Тогда «клетка» была в моде, джентльмены щеголяли в ней по улицам, ездили на трамваях и дилижансах, в неё облачались английские денди и жители не самых богатых кварталов, от геометрических штанов дамы Великобритании теряли душевное равновесие. Мужчинам оставалось только пожинать щедрый гендерный урожай, но все игральные карты в империях и республиках спутала Первая мировая война...

Особой приметой господина в клетчатых штанах было характерное прищуривание. С таким «братком» держи ухо востро. Славно чирикает, точно шустрый воробышек, а если что утащил — ни за какие коврижки не вернёт.

Интуитивно ожидая заведомого подвоха, бывалый матрос начал напрягаться сразу же, как только господин в клетчатых штанах поведал о том, что военно-космическая разведка по сигналу в машине времени чуть не приняла товарища Клёнова за главаря одной ужасной ближневосточной банды:

— Поразительно вы бородой с ним похожи, Степан Демьянович. У нас нынче все поголовно с террористами сражаются. Общенародный фронт! Мы должны «учиться, учиться и учиться», чтобы в нужное время и в нужном месте отвлекать внимание масс. Зрелищ и ещё раз зрелищ!

Господин в клетчатых штанах популярно рассказывал товарищу Клёнову про дериваты и фьючерсы, волатильность рубля и доллара. И уже шёпотом, перед тем как шофёру отвезти гостя в подмосковный кооперативный отель «У озера» (он же бывший пансионат имени лейтенанта Шмидта), сообщил о

персональном задании, которое наконец-то получит Степан Демьянович от резидента. Возможно, очень скоро.

— Знаю-знаю, это домик Шмидта, там тёмные аллеи и гаубичная пушка,— печально произнёс товарищ Клёнов, а господин в клетчатых штанах понимающе улыбнулся: мол, и он кое-что помнит.

— Ах, перестройка, перестройка: кооперативы, джинсовые увлечения. Ту самую пушку мы давно уже сдали на металлолом. А что касается вашей встречи с резидентом, она состоится в другом месте...

Широкой спиной почувствовав, что старое в стране грядущего в любой момент может начать отсчёт снова, революционный матрос был готов после небольшой рекреации поработать дистанционно ещё на одного резидента. Только бы в его насыщенной биографии не выискивали коррупционную составляющую и не возбуждали дело, теперь уже о хищении инновационной техники двадцать первого поколения. А ещё хуже, если переквалифицируют уголовку в злой умысел с контрабандным передвижением через государственные границы, контуры которых лишь смутно проступали в глобальном пространстве и времени. Кто его знает, что именно за эти страшные преступления в параллельных-то мирах прокуроры дают?..

Скверно было и то, что машину времени приватизировал клан господина Гуттенберга, глава которого давно специализировался на «дальнобоях» и теперь рассчитывал открыть коммерческий маршрут «Звёздный Гуттенберг» — космические путешествия в далёкие миры. Бродили слухи, что Гуттенберг приходился кунаком господину в клетчатых штанах, ответственному за идеологическое обеспечение реформ, ну и ещё кое-кому. Товарищ Клёнов опасался только одного: как бы у него не выкрали единственный ключ зажигания, а без него доставшееся господам Гуттенбергам «блюдечко» было бесполезной игрушкой, пусть даже инновационной.

С государственного довольствия товарища Клёнова вскоре сняли, а поскольку никаких документов у него при себе не имелось (лишь пара-тройка ярких орденов на груди), в Пенфонде руками развели: бомжей не рассматриваем. Степан Демьянович хотел было загнать одну из революционных наград на рынке жизни, но господин Гуттенберг проявил к судьбе матроса неожиданную благосклонность — подарил небольшую лавочку по производству попкорна. Кукуруза, казалось, везде преследовала товарища

Клёнова, зато с помощью собственного производства матрос исправно, без задолженностей, оплачивал за нынешнюю квартиру — люксовый номер в кооперативном отеле «У озера».

Командарм терялся в догадках: уж не помогал ли ему в новой эпохе, где человека деньги плющили, как самого последнего клопа, его старый товарищ Львовский? Не сам, конечно, через дальних родственников. Может, Арон Давидович являлся им во сне и проговаривал, что Клёнов и так пострадал от эпохи культа, зачем ещё-то его гнобить?

Нашлась в том времени ещё одна добрая душа — бизнесмен батя Нью, имеющий своё небольшое, но очень доходное, судя по всему, дельце и к тому же поддерживающий на выборах карманную партию левой ориентации.

Как-то в один из весенних дней контору товарища Клёнова, который стал теперь мелким лавочником, посетила эффективная восточная леди, и сразу же в его непритязательном офисе взошло знойное солнце, а в пустынном существовании товарища Клёнова вдруг обозначился живительный оазис, где журчал фонтан и слышались звуки ласкающей музыки.

— Меня зовут Лола, я теперь ваша революционная муза, Степан Демьянович,— сказала красавица, не моргнув даже глазом.

Товарищ Клёнов в этот момент возился со своим стеклянным ящичком, который давал ему семьсот процентов прибыли, и чуть не поперхнулся воздушной кукурузой. Её частенько приходилось жевать ради пробы продукта. Впрочем, матрос научился есть и мамалыгу, обычно она шла на ужин и для его возраста, возможно, была просто необходимостью.

Но любой некорректный намёк относительно жизненной высоты, на которую ещё в 1889 году, качаясь в простенькой крестьянской зыбке, начал взбираться Клёнов, теперь, после перелётов из эпохи в эпоху, он напрочь отвергал. Все процессы в его организме протекали уже по-иному, он чувствовал, что молодеет помесечно, и это происходит гораздо быстрее, нежели во время его путешествия к товарищу Хрущёву. С подарком батя Нью угодил в самое «яблочко»! Муза нужна всегда и везде, а революционная она, или капиталистическая, или какой-то другой генерации, как учил господин в клетчатых штанах,— уже и не столь важно. Главное, что красота тоже даёт прибыль, в процентном отношении это почти попкорн!

— Только не думайте, что я девочка по вызову, Степан Демьянович. У нас с вами всё «всерьёз и надолго». Завтра мы получим

профсоюзную путёвку в Крым и пронесёмся, как вихрь, по местам вашей военной молодости. Там ведь у вас, кажется, любовь была?..

Слёзы преданной собаки, готовой лизнуть языком пурпурные уста хозяйки, стараясь прыгнуть от звериной радости как можно выше, проступили на глазах товарища Клёнова: вот это Лола, бесценный подарок судьбы!

Возможно, товарищ Клёнов и впрямь уже стал матёрым капиталистом, потому что первый вопрос, который его чрезвычайно интересовал, касался дальнейшей деятельности лавочки, названной им «Красная палатка». Лола только улыбнулась: до чего же перековали старорежимного мужика! Впрочем, оно и к лучшему: её партнёр стрессоустойчив, а это немаловажно.

— Конечно, закрывать «Красную палатку» было бы неразумно, — тут же согласилась звезда Востока, но пока не стала детализировать будущее кукурузной лавочки.

Революционной музе оно было известно: расходный материал эпохи первоначального накопления капитала, не более того!

Апрельский день клонился к вечеру, в окно офиса уже заглянул молодой месяц, обещавший большие перемены в жизни товарища Клёнова, и матросу вместе с бесценным подарком судьбы можно было срочно мчаться в люксовый номер кооперативного отеля «У озера», чтобы там продолжить свои беседы. При ясной Луне, так сказать, когда смотрят друг другу в глаза и читают в них неземную поэму любви...

Но романтического ужина на двоих, судя по всему, не получалось: у парадного крылечка домика Шмидта уже поджидала машина времени, приветствуя товарища Клёнова манящими огнями иллюминаторов. Целая и невредимая, она была пригнана сюда «дальнобоями», этими вечными пилигримами разбитых шоссежных дорог, по особому распоряжению господина Гуттенберга. Со звёздными далями у него не получилось: бизнес-план нового ГЧП Кабмин отклонил.

Степан Демьянович, которому уже посчастливилось предметно ощутить кипарисовый стан своей музы, запустил руку в потайной карман френча. Ключ зажигания был на том же месте!

— И куда же нам плыть, драгоценная персиянка? — поинтересовался матрос, с радостью переступив порог летучего корабля, просторная кабина управления которого была украшена множеством сюжетных барельефов, почти как в московском метро. Сталинский стиль!

— Конечно, в Крым, как и было сказано.

— Без профсоюзной путёвки?

— А зачем нам теперь какой-то профсоюз, Степан Демьянович? Мы — самодостаточные люди. Кстати, вам революционный привет от Арона Давидовича. Он ждёт с нетерпением нашего приземления в Крыму.

— Надеюсь, он не на том свете нас поджидает? Иначе бы судьба не подарила мне такую прекрасную революционную музу...

Лола не успела как следует оценить матросский юмор, такой же чёрный, как бушлат Центробалта. В этот момент у машины времени, которая только что отскочила от земли с лёгкостью кузнечика, бросая на произвол судьбы кооперативный отель «У озера» и его обитателей, уже на большой высоте случилась странная вибрация. Корабль начало болтать, потом он резко провалился вниз, явно отказывая двум одиноким путешественникам в появлении на седьмом небе, и машина ничего уже не могла поделать с турбулентностью. Провалы времени, что ни говорите, случаются не только у людей!

Товарищу Клёнову хотелось сказать что-то утешительное, чтобы успокоить свою спутницу, которой только и оставалось, как всецело положиться на него, но Лолы рядом уже не было. Она растворилась, точно призрачный джинн, эта новая куртизанка Мата Хари, даже не порадовав Степана Демьяновича где-нибудь в Бахчисарае исполнением танца живота под небрежные прихлопы господина в клетчатых штанах.

Прямо на глазах революционного матроса медленно расплывалась в тумане и кабина управления, и лишь ясно высвечивала роковая дата на табло, отсчитывая уже реальный ход времени: «29 июля 1938 года».

Душа Клёнова с лёгкостью отделилась от прошитого пулями тела. Теперь его кровь пролили другие, как проливал когда-то и он в Петрограде, Кронштадте, Крыму, но всё же она, эта его душа, получила разрешение на свой последний, искупительный полёт. Над просторами родной земли, прощаясь со своим прошлым и настоящим, помолодевший «братишка» летел в небесах один, ему больше уже не требовался сталинский транспорт времени.

Может быть, машине хотелось захватить с собой ещё кого-то, потому как она совершила посадку на подмосковном полигоне «Коммунарка», где палило солнце, был жаркий полдень, а значкисты НКВД с проступившей на гимнастёрках солью всё так же делали своё дело...